Новая газета. — 1998. — 7-13 сент. — с. 22

7-13.9.98

Маковецкий Сергей

Я очень люблю этого человека, хотя видел его три раза в жизни. Причем только на эфирах: телевизионных и радио. Он очень интересный: неожиданный и свободный. Отвечая на вопрос нашей коллеги Ксении Маршанской: «Какие глаза были у Чарли Чаплина?» — он ответил: «У него были талантливые глаза...» Вот оно — попадание: у Сергея Маковецкого талантливые глаза. Знаменитый? Знаменитый. А помните ли вы, что в театре Сергей играл Шостаковича и царевича Алексея, Рене Галлимара из «М. Баттерфляй» и Вафлю из «Лешего», в кино он снимался у Сергея Юрского и Леонида Филатова, Сергея Урсуляка и Вадима Абдрашитова, Глеба Панфилова и Ивана Дыховичного... Ему удается играть неординарных людей, его любят талантливые режиссеры. Он — мастер, он — звезда. Для порядка и проформы ради надо бы сказать о Сергее Маковецком какие-нибудь критические слова, но они не подбираются. Что поделать? Я люблю этого человека

КОГДА БЛИЗКИМ ПЛОХО — ЧЕЛОВЕК ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК

Андрей МАКСИМОВ — Сергей МАКОВЕЦКИЙ

— Сергей, начнем с начала, с первой вашей любви... Помните ее?

— Конечно. Я ходил тогда в детский садик, мне было лет шесть. Девочку звали Люда, мы жили в одном доме. Помню, как мы сидели среди дров и говорили друг другу хорошие слова о том, что непременно будем вместе и у нас будет замечательная семья... Периодически мне казалось, что за нами подглядывают — а, может, и на самом деле подглядывали, — и я спасал Люду от посторонних глаз, уводил от погони через всякие ходы-выходы, которые были известны только мне. С Людой мы уже позже целовались в школе: когда нас выгоняли с уроков, мы сидели под дверью и целовались.

— Что же случилось потом?

— Потом мы как-то вдруг перестали встречаться. Никакого криминала, никакой драмы не было, расстались — и все. Из чего я сделал вывод, что это была ненастоящая любовь.

— Вы росли в атмосфере любви?

— Меня очень любит моя мама. Но никогда этого не показывает. И раньше не показывала: никогда меня не баловала, не тятькалась со мной, относилась ко мне как к взрослому человеку. Ее любовь, тактичность, интеллигентность позволили мне стать артистом.

— Как это? Поясните...

— Поначалу мы с мамой выбрали другой путь: я должен был идти в медицинский. Однако, когда я сказал, что иду в театральный, она не сказала ни да, ни нет, тактично промолчала. Если бы она сказала: «Сережа, мы же с тобой сели-посидели, выбрали медицинский... Медицина — це дюже добре», — не знаю, как бы в этом случае сложилась моя судьба. Но она позволила мне поехать в Москву, и поступить, и стать артистом.

— Вы помните, как ваша мама впервые увидела вас на сцене?

— Это был спектакль «Старинные русские водевили» в театре Вахтангова. Спектакль смешной — водевили, — но мама плакала все время. Потом Евгений Рубенович Симонов вывел меня на поклоны, я ему говорю: «Вон моя мама в зале». Он ей кланяется, а она плачет... Второй раз мы были на гастролях в Киеве с театром Романа Виктюка. Виктюк сам спросил меня: «Где мама?» Я ответил: «Вон — в ложе», и Виктюк остановил аплодисменты и сказал: «Вон мама нашего Сережки». Тут, конечно, тоже без слез не обошлось. А как она видела меня в кино, сама мне рассказывала. Это был фильм «Взять живым»: я там совершал подвиг, взрывая себя гранатой. Мама как это увидела — тут же в крик, в слезы и выключила телевизор, а потом говорит: «Боже, что ж я роблю? Це ж кино!»

— Вы приехали в Москву из Киева, поступили в театральное училище и начали жить в общежитии. В актерском общежитии, как мне кажется, должно быть очень много красивых девушек. Как у вас строились с ними отношения?

— Хорошо. У меня была одна любимая студентка Марина Буримова. Это очень талантливая, интересная девушка. Когда преподаватель ее спрашивал: «Ты почему опоздала на лекцию?» — она могла ответить так: «Не могла прийти вовремя: шел первый снег». Когда на первом курсе Марину хотели отчислить за неуспеваемость по общеобразовательным предметам, я провел такую аферу! Не мог себе представить, что буду учиться без нее. И ее оставили. Мы стали партнерами. У нас не было физической близости, но мне было очень приятно смотреть на нее, приятно ее слушать, с ней говорить...

— А эта любовь отчего кончилась?

— Люди иногда расходятся, и у каждого начинается своя жизнь.

— Честно говоря, я хотел давно поговорить с вами о любви, потому что знаю: вы можете очень хорошо, честно и искренно говорить про свою жену...

— Вот это уже — настоящая любовь. Убежден, что наша с Леной любовь родилась на небесах. Познакомились мы так. Я снимался во втором в своей жизни фильме «Я — сын трудового народа», а Лена работала редактором на Одесской киностудии. И вот однажды стояла она себе в коридоре киностудии в какой-то компании. До сих пор не понимаю, зачем я пошел по этому коридору на третьем этаже, где мне делать было абсолютно нечего... Пробегаю мимо этой незнакомой компании и слышу мне в спину: «Молодой человек!» Я оборачиваюсь: «Это вы — мне?» Девушка говорит: «Да-да, вам. Вы на мне женитесь?» Я сказал: «Да». «А когда?» — спросила девушка. Я ответил: «На майские» — и побежал дальше. Я влюбился с первого взгляда. После съемки, сняв грим, вошел в комнату и спросил: «Где моя супруга?» После чего мы начали разговаривать и... в секунду стали родными людьми. Сначала — стали родными, а затем произошла и настоящая близость. Потом мы пять лет жили, не расписываясь, считая, что это не имеет никакого значения. А поставили штампы в паспорта двадцать пятого апреля, так что я недотянул до обещанного срока каких-нибудь четыре дня. У нас была гениальная свадьба — на восемь рублей.

— Вдвоем праздновали?

— Нет. Сделали шикарный стол на эти самые восемь рублей. Дело в том, что девочки в Смоленском гастрономе уже знали, что я — актер театра имени Вахтангова, и дали мне по знакомству два ветеранских заказа, где были баночка икры, палка копченой колбасы. В общем, по тем временам стол был накрыт феноменальный!

— Говоря про вашу первую любовь и про любовь нынешнюю, вы все время сообщаете, что разговариваете с женщиной. Вам кажется, что разговор — это непременный атрибут любви?

— Начнем с того, что я с женщиной не только разговариваю... Но считаю, что, если ты собираешься прожить с человеком долго, вам непременно должно быть интересно говорить друг с другом. Мы с Леночкой вместе пятнадцать лет, и до сих пор не наговорились.

— Лена часто критикует ваши работы?

— Очень часто. Ее первая реакция — увидеть недостаток. Когда мы приходим после премьеры, мы обязательно накрываем вдвоем стол на кухне, и я говорю: «А теперь, Лена, по существу...» И то, что она говорит, всегда очень важно.

— Если вы не ругаетесь из-за вашей работы, то по какому поводу тогда возникают ссоры или вы вообще не ругаетесь?

— У нас бывает «гырканье» друг на друга, чаще всего — по пустякам. Мы можем надуться и разойтись в разные комнаты, но, слава Богу, у нас похожи характеры: оба начинаем синхронно понимать, что делаем какую-то глупость...

— В одном из последних фильмов с вашим участием «Ретро втроем» музыка нередко заменяет слова...

— Да, мне нравится, когда звучит музыка вместо скандала, раздается танго вместо разбора «сам дурак! — сам такой!»

— Спасибо, что ответили на вопрос, но он еще не задан. А вопрос состоит вот в чем: в вашей семейной жизни бывает так, что музыка звучит вместо слов?

— Бывает. Только тогда роль музыки исполняю я.

— Это как?

— Когда у моих близких — Лены или Дениса — случается хандра, я исполняю один фокус: надеваю тренировочные штаны до горла, живот — вперед, зад — назад, и получается то ли вопросительный знак, то ли еще что-то непонятное, но явно смешное. Я говорю: «Вот вам, пожалуйста, фигура советского артиста». Это уже сколько лет делается — и настроение неизменно поднимается. Жаль, до сих пор в работе я нигде это не использовал. А когда мне самому грустно — я песни пою.

— Ваш сын уже взрослый человек. Вы как-то готовите себя к тому, что когда-нибудь сын приведет в дом девушку и скажет: «Я люблю ее больше всех» — и вам тоже придется ее полюбить, какой бы она ни была?

— Мы себя готовим.

— Каким образом?

— Никаким. Мне кажется, самая лучшая подготовка — никак себя не готовить. В этом случае все получается хорошо. К тому же у Дениса — замечательный вкус. Я видел его девушек, иногда он приводил их на мои премьеры и домой... Они — хорошие.

— Когда он был моложе, вы вели с ним беседы про любовь?

— У нас был один весьма откровенный разговор на кухне. Денис сказал: «Я все понимаю, откуда берутся дети, но мне нужны маленькие подробности...» Я был в ужасе, потому что забыл все названия, совершенно вылетело из головы, как оно там все называется. Вообще же мы стараемся не вмешиваться в его жизнь. Если ему действительно надо — он спрашивает совет, и мама, и я всегда готовы его дать.

— Хочется под конец беседы задать вам вопрос банальный, но вечно интересный, тем более что к теме нашей беседы он имеет непосредственное отношение: артисты целуются понастоящему?

— Да.

— А страсть при этом не возникает?

— Как может возникнуть страсть, когда вокруг много людей, камера жужжит, тебя слепит свет, тебе поправляют грим — какая страсть? Хотя, конечно, во время поцелуя замирает сердце — мы ведь живые люди, но это быстро проходит.

— Традиционно: музыка, в которой для вас с наибольшей силой воплощена тема любви?

— Танго «Кумпарсита».

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ ОТ С. Маковецкого

— Я хочу рассказать о моей маме. Личная жизнь ее сложилась не очень удачно: так получилось, что за всю ее жизнь у нее было всего два года настоящей, великой любви.

Помню, как мы знакомились с этим человеком — его звали Юра, — мама тогда страшно переживала. Приехал я знакомиться, взяв водку, коньяк и шампанское. Захожу, а мама на работе. Я: «Здрасьте» — Юра: «Здрасьте». Волнуемся оба. Распили бутылку коньяка и легли спать.

Утром просыпаюсь, слышу на кухне все жарится-парится. Мы сели, выпили. Я собирался агрессивно себя вести, и вдруг он ее обнял... Мама запричитала: «Что ты, Юра, не надо — при сыне...» Но по выражению маминого лица, даже сам не знаю, по чему еще, я понял — это самое настоящее, то, что так необходимо моей маме. И я принял этого человека. И полюбил его. За одно движение, жест...

Увы, это счастье длилось всего два года. Потом Юра умер.

Программу Андрея МАКСИМОВА «Диалоги о любви» слушайте на волнах радиостанции «Эхо Москвы» каждую субботу в 22.15.